

Марлен ХУЦИЕВ

Пушкин

Марлен ХУЦИЕВ

Пушкин

Москва
2019

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х98

В оформлении переплета использована
репродукция картины художника *А. М. Волкова*:
Fine art images / Legion-Media.

Оформление серии *Андрея Саукова* и *Филиппа Барбышева*
Иллюстрации на переплете и в тексте *Филиппа Барбышева*

Хуциев, Марлен Мартынович.
Х98 Пушкин / Марлен Хуциев. — Москва : Эксмо,
2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-105939-2

Марлен Хуциев (1925—2019) — знаменитый режиссер всем хорошо известных и любимых фильмов «Весна на Заречной улице» (совместно с Ф. Е. Миронером), «Застава Ильича», «Июльский дождь» и многих других, в течение десяти лет писал киноман о жизни Александра Пушкина, к сожалению, не реализованный как художественный фильм.

Литературно-кинематографическая история жизни великого поэта в самой первой версии, без купюр и вынужденных правок дает неповторимую возможность, читая живое, стремительное, динамичное повествование о жизни Александра Пушкина от окончания Лицея до конца жизни, увидеть ее глазами выдающегося режиссера.

«В каком-то смысле это и есть идеальная судьба кино-сценария — предоставить его реализацию творческому воображению каждого читателя, без неизбежных компромиссов, на которые приходится идти режиссеру из-за цензуры, денег или погоды».

Дмитрий Быков

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Быков Д.Л., вступительное слово, 2019
© Хуциев М.М., наследник, 2019
© Оформление.

ISBN 978-5-04-105939-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Марлен Хуциев работал над кинороманом о Пушкине на протяжении всех семидесятих годов, дело доходило до подготовительного периода и проб — он успел пригласить на эту роль Харатьяна (Госкино забрало — национального гения России не должен играть армянин), Колтакова (такой Пушкин показался ему недостаточно обаятельным), Евгения Миронова (с ним в результате сделал многосерийный радиоспектакль). Дело доходило даже до утверждения сметы, до поисков реквизита, в середине восьмидесятих он выбирал натуру — но всякий раз оказывалось, что возникают непреодолимые препятствия: при советской власти — идейные, после нее — финансовые.

И остался этот огромный сценарий, полная реализация которого, наверное, заняла бы часов шесть экранного времени — но это был бы фильм класса «Рублева» или «Евангелия от Матфея». Хуциев не успел его снять, и теперь каждый из нас, читая эту кинопрозу, сможет представить собственную картину. В каком-то

смысле это и есть идеальная судьба киносценария — предоставить его реализацию творческому воображению каждого читателя, без неизбежных компромиссов, на которые приходится идти режиссеру из-за цензуры, денег или погоды.

Главное достоинство этого сценария — перевод пушкинских текстов на язык кинообразов. Это не иллюстрации, не экранизация, — это именно вольный поток ассоциаций: так толкотня снежинок в воздухе превращается в толкотню народа на площади в первых сценах «Бориса Годунова». Хуциевские ассоциации произвольны и свободны, потому что и сам его кинематограф всегда держался на сложных, неочевидных отношениях между диалогом или внутренним монологом героя, видеорядом и музыкой. Все эти три стихии зачастую спорят, сталкиваются, именно их столкновение рождает то ощущение сложности и счастья, которое возникало от лучших хуциевских эпизодов. Хуциев не иллюстрирует биографию Пушкина — да и снимает, собственно, не биографию. Он стремится понять, как из этой реальности, этих обстоятельств, пейзажей и разговоров возникает вещество искусства, высекается его искра. Фильм Хуциева отчетливо полемичен по отношению, скажем, к лучшей картине Мотыля «Звезда пленительного счастья» — по-своему исключительно глубокой и сложной. Натуралистический эпизод казни декабристов заменен у него метафорой — Пушкин зажигает пять свечей, прикрепив их к краю рабочего стола в Михайловском; так же и в сцене предсмертных мук Пушкина камера должна была скользить по книжным

полкам, по которым он карабкался в бреду. Хуциев избегал всяческого буквализма — он снимал свободный фильм о внутренней свободе, фильм, принципиально непохожий на всю кинематографическую пушкиниану, и если сценарий его иногда — монтаж документов и мемуаров, то видеоряд иногда вступает в конфликт с этим текстом или подсвечивает его с самой неожиданной стороны. Так же соотносятся в поэзии звук и смысл, замысел и его реализация, авторская мысль и читательская трактовка.

Причины обращения семидесятников к Пушкину довольно очевидны: одна из главных тем пушкинской биографии — соотношение вольнолюбивой юности и сдержанной, консервативной зрелости, в которой он примирился со многим и даже прославил многое из того, от чего отворачивался раньше. Был и третий этап — разочарования в этой лояльности и отказ от сотрудничества с властью, который закончился фактическим самоубийством, на которое так похожа последняя дуэль. Пушкин говорил молодому графу Соллогубу, что хочет уйти в оппозицию, — но оппозиции уже не существовало, для нее не было места. Драма Пушкина, чье время, по слову Тынянова, переломилось, — была понятна шестидесятникам, которым в семидесятые пришлось приноравливаться и приспособливаться к вязкому времени, к новым требованиям и обстоятельствам. Кто-то, как Геннадий Шпаликов, не выдержал этого давления и покончил с собой. Кто-то, как Тарковский, называл себя «рыбой глубоководной» и именно под этим давлением снял свое лучшее. Кто-то от разговоров о совре-

менности уходил в историю — как Станислав Рассадин, Юрий Давыдов, отчасти Юрий Трифонов; этот же путь выбрал Хуциев, всегда снимавший о современности, но отдавший десять лет жизни работе над несостоявшейся картиной о Пушкине. Пушкин был для семидесятников утешением и примером, он первым побывал там, где теперь оказались они; отсюда — «Медная бабушка» Леонида Зорина в постановке Олега Ефремова, декабристский фильм Мотыля, театральные и телевизионные композиции о лицее и декабристах работы Эйдельмана, Адоскина, Ефремова... Отсюда лицейский гимн Кима, пушкинский сценарий Окуджавы (тоже не поставленный), отсюда же и стихи Слуцкого в последний месяц перед неизлечимой депрессией: «Надеюсь, что последние слова, которые услышу я едва, мне пушкинский нашепчет светлый гений». Пушкин был главной темой семидесятых — и вывод, к которому приходили стареющие шестидесятники, был подсказан им: «Зависеть от царя, зависеть от народа — не все ли нам равно? Бог с ними. Никому отчета не давать, себе лишь самому».

Мы предлагаем вашему вниманию самую полную версию этого сценария — первую. Она самая литературная и при этом самая свободная: как часто бывает, советчики начали портить хуциевский замысел, требуя «драматургичности», «кинематографичности», динамики и т.д. Фильм в режиссерской версии восьмидесятых годов уже почти не отличается от стандартных кинобиографий — может быть, и к лучшему, что Хуциев его в этом варианте не снял. Нам осталась автор-

ская версия — идеальная, неосуществимая, счастливая и трагическая, единственная в своем роде. Все ключевые эпизоды пушкинской биографии выстроены тут в единый лейтмотив — Пушкин предстает здесь русским Христом, создателем не только русской литературы, но и русской нравственности. Сейчас самое время читать эту книгу.

Дмитрий Быков

От автора

Фильм о Пушкине?
Или как еще спрашивают:

— Почему вы решили снимать фильм о Пушкине?
Вопрос этот ставит в тупик и вызывает глухое раздражение. Хочется ответить: «Да потому что он мой дедушка. Вы не знали? Он завещал мне миллион — он ведь брал червонец за строчку — если я создам ему кинорекламу».

Или уже корректнее: Пушкин — наша национальная гордость, а до сих пор еще не создано фильма об этом великом поэте, и вот я, скромно, но с достоинством... и т.д.

Банальность рождает в ответ еще большую банальность, и все вдруг начинает казаться пошлым и ненужным.

На дворе XX век. Век электроники, кибернетики, XX век с его идеями тотальности, когда человек представляется песчинкой в житейском водовороте, век во-

дородной бомбы. И... Пушкин. На Невском рычат машины, вспыхивают рекламы. Конечно, это не Бродвей или там Елисейские Поля, но и на пушкинском Невском есть рекламы. А он, всматриваясь в мигающее пламя свечи, в который раз решает для себя вопрос — что есть жизнь, и зло грызет свое гусиное перо. Стучат пишущие машинки, гудят телетайпы и радио оповещает нас о новых победах человечества: побежден космос, на повестке дня проблема долголетия! Раскрыта тайна наследственности! Исследуется химизм человеческого мышления! Мигает голубой огонек телевизоров, и к нам в дом заглядывают приятные респектабельные люди, уверенно и убежденно рассказывающие нам, как надо жить и в чем счастье. Звонит телефон: «С вами будут говорить Пушгоры».

Стремительный ритм жизни требует сокращений — некогда и не надо писать писем и неделями ждать ответа, не надо прислушиваться к завыванию метели, замирать от нетерпения и тоски. Ничего не надо. Всё просто и ясно.

Так почему же я ставлю фильм о Пушкине?

Может быть потому, что люблю этого человека, как если бы он был мой друг, был здесь рядом, стоит только протянуть руку.

Может быть потому, что благодарен ему за то, что он учит меня быть мудрым, быть гордым — быть человеком. Может потому, что мне бесконечно жалко его. Жалко той щемящей жалостью, когда ничего нельзя поделать, ничего нельзя поправить.

У каждого человека в жизни бывает, наверное, несколько встреч с Пушкиным.

Первые встречи — детство. Просто имя — Пушкин. Слово «Пушкин». Нам его читают вслух — сказки.

Потом школа. «Евгений Онегин» — лишний человек», «Борис Годунов» — трагедия народной жизни», «Я помню чудное мгновенье...» — заучите наизусть». Параллельно, рядом — любовь и привыкание к определениям, к категориям. Великий поэт, народный, гордость. Но каким-то образом мы все же уберігаемся от скуки казенных фраз, и Пушкин — выражаясь тем же стилем — ломает золоченую раму официального портрета. Чем взрослее мы становимся, тем глубже постигаем его, движемся к нему навстречу.

Но бывает момент, в который происходит своя особая встреча. Тогда Пушкин предстает иным, новым. И — необходимым уже на всю жизнь.

Со мной это произошло в Одессе. Я уже кончил институт, уже работал, уже снимал вторую картину. Случилось, что я заболел, довольно сильно, слёг. И вдруг неожиданно и необъяснимо почувствовал острую необходимость в Пушкине, потребность немедленную. Я читал его снова, всего — и то, что знал раньше, и то, что не знал, — всего. Впечатление было огромное, новое, несравнимое. Исцеляющее — в буквальном смысле. Это была решающая встреча, смысл которой я тогда до конца еще не понял. Решающая потому, что возникло смутное желание, которое потом перешло в четкое намерение.

Кончая предыдущую работу, я уже твердо определил свои планы.

И вот — впервые еду в Михайловское. Решаюсь ехать.

Для меня этот серый октябрьский день — как в первое посещение квартиры на Мойке, где мне разрешили после закрытия музея походить одному по пустым комнатам, — одно из самых сильных впечатлений, значительных событий в жизни.

Автобус ушел, и сделалось очень тихо. Я приехал под вечер в сумерки, был пасмурный морозящий день. Я вошел в одну из боковых аллей парка, пошел. Вот и он сам — дом. По-прежнему стояла тишина, только капли дождя негромко стучали по веткам и крыше. Был тот самый час, когда в доме положено зажигать огни. Я не мог двинуться с места, ждал. Казалось, вот сейчас за стеклами проплывет зажженная свеча. Но окна оставались темными. Может быть, хозяйева просто рано легли спать. Осторожно я прошел под окнами, обогнул домик няни и вышел за калитку. И сразу подступили не сравнимые ни с чем на свете михайловские дали. Внизу неслышно текла Сороть. На том берегу мокли под дождем темные стога, мигали огоньки в деревне, столбами поднимались в небо дымы. И все та же тишина и стук капель. Время возвращалось назад...

Ночью я вышел в парк. Луна светила вовсю, и было все до боли знакомо и до боли близко.

А утром... «серебрит мороз увянувшее поле»... — утром я встретил, именно встретил и узнал, как живое существо, давно знакомую строку.

Я шел в Тригорское. Той же самой дорогой.

«Вновь я посетил тот уголок земли, где я провел изгнанником два года незаметных...»

Я шел и узнавал знакомые строки в лицо.

«Вот холм лесистый, над которым часто я сиживал недвижим...»

Вот он, холм...

«...И глядел на озеро, вспоминая с грустью иные берега, иные волны».

Вот оно, озеро...

Вот она, дорога, вверху которой сейчас откроются три сосны...

Вот камень — граница владений дедовских...

Пушкинские стихи существовали здесь, как живые, как население этих мест.

Целый день я пробыл в тригорской усадьбе Осиповых. Вечером вернулся в Святогорский монастырь. До утра проворочался в своей комнате — келье в монастырской гостинице. Назад ходу уже не было...

Излагать сюжет сценария — это значит рассказывать биографию Пушкина. Факты общеизвестны и пересказывать их здесь еще раз нет, наверное, необходимости. Это есть в любом учебнике для средней школы, не говоря уж об обширных и многочисленных монографиях, посвященных Пушкину. Лучше — как представляется будущий рассказ о Пушкине. Какие мысли. Какие авторские намерения. Что я хочу положить в основу, над чем хочу думать, рассказывая о Пушкине, во что выльется, по какому руслу потечет фильм. Тем не менее

сперва несколько слов о конструкции, объеме. Фильм должен охватить почти всю жизнь поэта от окончания Лицея до смерти. Я бы условно так и назвал «Жизнь Александра ПУШКИНА».

Один большой фильм или два фильма. Первый — от окончания Лицея и завершая Михайловским. И второй — после Михайловского и до конца. Это, конечно, условное, грубое обозначение частей, а никак не классификация периодов жизни. Это деление как бы по эмоциональному восприятию.

Первая.

Время молодости, надежд, славы. Только что окончен Лицей. Кругом столько нового, интересного. Самые известные люди — друзья. «Победителю-ученику от побежденного учителя». Каждая написанная строчка тут же подхватывается, понимается, расходится в сотнях списков.

Пушкин любим, он известен, он, наконец, моден. Правда, его ссылают. Даже в то время, время сравнительно либеральное, когда считалось хорошим тоном проявлять недовольство существующими порядками, во время смутного брожения, дворянского фрондерства, когда еще ценилась человеческая индивидуальность, Пушкин позволил себе перейти границы дозволенного и оказался в ссылке. Друзья волнуются, хлопочут, они возмущены. Но гонение, ссылка возбуждают только еще больший интерес к Пушкину, придают его славе новый оттенок. Все написанное им печатается и перепечатывается.